

Мать Цзян, стоило ей увидеть эту кислую мину сына, мгновенно закипела. Она от души припечатала его ладонью по спине:

— Столько лет прошло, а ума так и не нажил! Вечно корчишь из себя праведника небесного — вот и сбежал твой благоверный! А ты всё не уймёшься!

Цзян Цютун устало потер переносицу. Сегодня он поленился надеть очки, и теперь яркие огни торговой улицы, сияющие витрины и ослепительно белый снег нещадно резали глаза.

— Без очков я почти ничего не вижу, — тихо пожаловался он. — Вот и приходится щуриться.

Мать вскипела пуще прежнего:

— А сказать нормально язык бы отсох? Вечно ты всё усложняешь! Тебя спрашивают, а ты только мины строишь, мол, сама догадайся!

С тех пор как в шестнадцать лет любящая родительница начисто лишила Цзян Цютуна возможности важничать, дома он уже не пытался строить из себя недотрогу. Получив очередную порцию увесистых шлепков, он лишь обреченно вздохнул и повинулся.

Мать Цзян потеряла ладони: спина у сына была прямая как струна и жесткая как стальной лист — аж рука разболелась. Немного подумав, она открыла семейный чат в Вейсине — созданный только вчера вечером, специально без участия Юй Сьюаня. Быстро скинув геолокацию, она застучала пальцами по экрану: «Наткнулась тут на Сьюаня и Кого-Надо-Знать».

Таинственный «Тот-Кого-Нельзя-Называть» снова дал о себе знать, всколыхнув волну любопытства среди скучающих на новогодних каникулах родственников. Пара человек, как раз гулявших неподалеку, тут же вызвались устроить «случайную» встречу. Семейный чат взорвался требованиями: все жаждали фотоотчетов и видео.

Мать уже порывалась пойти на сближение, но Цзян Цютун вовремя удержал её за рукав, недовольно цокнув языком:

— Да с ума вы сошли? Вчера и так застучали их за самым интересным, бедный парень теперь от стыда сгореть готов и на глаза родне боится показаться, а вы к ним лезете? Да он же сразу наутек пустится!

— И что... что тогда делать? — заволновалась мать.

Цзян Цютун указал подбородком на противоположную сторону улицы.

— Как что? Идти следом. Раз уж остальные собрались устраивать тут «случайные» встречи,

наша задача — не упустить их из виду.

Наедине с семьей Цзян Цютун становился непривычно разговорчивым и даже позволял себе язвить. Увидел бы его сейчас Цзи Яо — непременно обвинил бы в наглom обмане невинных юношей. Но Цзи Яо ничего не видел. В этот самый момент он как раз выходил из очередного бутика, нагруженный ворохом пакетов и коробок.

Даже мать Цзян опешила:

— Матушка пресвятая, да почему он так укутался-то!

Парень замотался так, что напоминал скорее бесформенный колобок, в котором утонуло всё его изящество. В этом укутанном чуде-юде женщина ну никак не могла признать вчерашнего красавчика — пусть и слегка своенравного, но безусловно эффектного.

Цзян Цютун прищурился, пытаясь разглядеть кузена, но сквозь пелену перед глазами сумел разобрать лишь закутанный во все мыслимые одежды колобок. Он тихонько фыркнул:

— Надо же, как быстро у Сыюаня меняются вкусы.

И доля правды в этом была. В семье про этих кузенов давно сложилось четкое мнение: если Цзян Цютун держал первенство по части надменности и пафоса, то Юй Сыюань безоговорочно лидировал по уровню капризности и занудства.

Будучи самым младшим, Сыюань рос в атмосфере всеобщего обожания. Его баловали и лелеяли, отчего он вырос невыносимым перфекционистом. Его придирчивость к качеству жизни граничила с безумием, породив весьма специфический вкус и манию требовательности как к вещам, так и к людям.

Взять хотя бы обычные пуховики. Вещь тёплая, удобная, но молодой господин Юй считал их верхом безвкусицы. Как-то раз Цзян Цютун появился в чёрном пуховике, так кузен пилил его всё утро, буквально разложив его наряд по швам. Про угги и говорить не стоило — от одного их вида Юй Сыюаня едва не выворачивало наизнанку.

Даже мать Цзян невольно вздохнула:

— Если Сыюань терпит рядом с собой человека в таком прикиде, это точно настоящая любовь.

А что же сам Юй Сыюань? Он находил всё это просто прелестным.

Глядя на укутанное личико Цзи Яо, из-под которого поблескивали лишь выразительные миндалевидные глаза, Сыюань не выдержал и снова легонько щелкнул его по лбу.

Цзи Яо награбил его взглядом, полным ледяного презрения.

Смутившись под этим красноречивым взором, обещавшим скорую расправу, Юй Сьюань неловко хохотнул и потянулся за его пакетами. Мужской шопинг — дело быстрое: за какие-то двадцать минут Цзи Яо полностью обновил гардероб и теперь стоял, обвешанный покупками как новогодняя елка.

Цзи Яо уклонился от его руки:

— Не надо, сам донесу.

Он терпеть не мог излишней опеки, но Юй Сьюань упрямо не желал уступать. В обычный день он, пожалуй, отступил бы, но сегодня ему почему-то безумно хотелось сделать всё наперекор. Нет, он не искал ссоры — скорее, наощупь пробовал границы терпения своего капризного спутника.

Впрочем, испытывать на прочность нервы Цзи Яо в открытую было делом гибельным. Тут требовался тонкий маневр.

— Хм... — Юй Сьюань с важным видом потер подбородок и с хитрой ухмылкой протянул руку.
— Давай на «цу-е-фа». Выиграю — забираю пакеты.

Цзи Яо посмотрел на него как на умалишенного, но всё же нехотя протянул руку в ответ. Если признаться честно, эта детская забава, в которую он не играл уже сто лет, вызвала в душе приятную ностальгию.

Но не успел он опомниться, как Юй Сьюань затараторил:

— Цу-е-фа! Цу-е-фа! Цу-е-фа! Опа, три раза подряд! Ты проиграл!

Цзи Яо ошеломленно уставился на свою ладонь, скрытую в толстой варежке без пальцев, а затем перевел взгляд на Сьюаня, весело шевелившего пальцами.

Ну конечно! Из-за варежки он физически мог показать только «бумагу», а этот прохвост каждый раз выкидывал «ножницы»! Чистейший грабеж!

Разозлившись, Цзи Яо топнул ногой и уже открыл рот, чтобы высказать всё, что думает, но Юй Сьюань с молниеносной ловкостью заткнул его палочкой карамельного боярышника, купленного по пути. Перехватив пакеты у онемевшего от такой наглости парня, он с весёлым смехом припустил вперёд.

Цзи Яо кое-как выпростал руку из варежки и вытащил изо рта лакомство. Злость мешалась со

смехом. Первым порывом было швырнуть эту дурацкую палочку в сугроб, но сладкий карамельный сок уже растёкся на языке, и выбрасывать угощение стало жалко. Поколебавшись секунду, он поудобнее перехватил бамбуковую шпажку и поспешил вслед за удравшим Сьюанем.

Наблюдавшая за этой сценой мать Цзян чуть не покатилась со смеху. Смахнув слезинки, выступившие от хохота, она толкнула сына в плечо:

— Ой, не могу! До чего же забавные мальчишки!

Но Цзян Цютун даже не улыбнулся. Он сосредоточенно хмурился, провожая взглядом удаляющуюся парочку. Лицо этого нового ухажёра Сьюаня... Почему оно показалось ему до боли знакомым?

Закончить мысль ему не дали — мать нетерпеливо потащила его за собой, держась на приличном расстоянии от влюбленных. Пока родительница, затаив дыхание, вела текстовую трансляцию в семейный чат, Цзян Цютун плёлся рядом, засунув руки в карманы и всем сердцем проклиная эту дурацкую затею.

На сей раз он не корчил из себя высокомерного сноба — ему действительно было абсолютно всё равно, как развлекается его кузен со своей новой пассией.

Тем временем впереди шло бурное выяснение отношений, больше похожее на шутиливую перепалку. Из-за расстояния слов было не разобрать, но судя по оживленной жестикуляции, оба были весьма довольны друг другом.

Вдруг откуда ни возьмись прямо под ноги парням вылетела маленькая девочка и, не удержав равновесия, с размаху шлёпнулась на заснеженный тротуар.

Юй Сьюань уже потянулся было на помощь, но, взглядевшись в личико ребенка, внезапно замер как вкопанный. Цзи Яо замешательства спутника не заметил: он быстро подхватил малышку под мышки, поднял на ноги и опустил перед ней на корточки, бережно отряхивая курточку от снега.

— Ох, прости-прости, маленькая, я тебя совсем не заметил... Не ушиблась? Ничего не болит?

Поодаль застыли и Цзян Цютун с матерью. Сын озадаченно втянул воздух сквозь зубы:

— Да ладно... Неужели и старшая сестра здесь?

Мать с каменным лицом кивнула:

— Ага. Она же громче всех кричала в чате, что хочет устроить «случайную» встречу.

Кто же знал, что сценарий окажется настолько креативным.

Девчушка, явно собиравшаяся устроить образцово-показательную драму с криками и слезами, от неожиданности передумала. Стоило ей услышать этот мягкий, бархатистый голос, как капризно надутые губки расплылись в улыбке. Она захлопала ресницами:

— Братик, у тебя такой красивый голос!

Цзи Йо лишился дара речи.

Юй Сьюань тоже.

Цзи Йо растерялся лишь на секунду, а затем ласково улыбнулся:

— А у тебя — просто чудесный.

Малышке на вид было года четыре или пять — круглолицая, румяная, вылитая фарфоровая куколка в ярком пуховичке. Услышав комплимент, она кокетливо прижала ладошки к щекам и заверещала:

— Ой, ну что ты такое говоришь! Я же сейчас совсем засмущаюсь!

Цзи Йо безмолвствовал.

Юй Сьюань мысленно закатил глаза.

Цзи Йо, совершенно не умеющий общаться с детьми, почувствовал себя не в своей тарелке и бросил растерянный взгляд на Сьюаня. Тот тоже пребывал в глубоком ступоре. Поймав умоляющий взор партнера, он присел рядом и выдавил из себя неестественно сухой вопрос:

— Эй... А где твои родители?

Цзи Йо не придал значения странной интонации Сьюаня. Не на шутку испугавшись, он заозирался по сторонам, но поблизости не было ни одного взрослого, который бы высматривал ребенка. В голову закралась жуткая мысль: потерялась!

— Малышка, ты помнишь номер телефона мамы или папы? — быстро спросил он.

Девочка склонила голову набок:

— Конечно помню.

Цзи Яо облегченно выдохнул:

— Тогда продикуй его мне, ладно? Твои родители наверняка с ума сходят от беспокойства.

Девчушка хитро прищурилась:

— Не-а, не скажу. Мамочка говорила, что нельзя выдавать такие секреты незнакомцам. А вдруг ты плохой дядя?

Цзи Яо не знал, плакать ему или смеяться. Пришлось включить всё своё обаяние:

— Ну посмотри на меня, разве я похож на злодея? Я хороший.

Малышка парировала с железной логикой:

— Все плохие дяди так говорят! Как я проверю?

Против такого аргумента крыть было нечем. Цзи Яо окончательно завис.

Девочка смерила его оценивающим взглядом и деловито предложила:

— Ладно, давай так: ты снимешь маску, чтобы я запомнила твоё лицо. Тогда, если ты окажешься бандитом, я смогу описать тебя полиции!

Цзи Яо безмолвно покорился судьбе.

Сыюань еле сдержал смешок.

Вздохнув, Цзи Яо стянул маску, открывая безупречные черты лица.

— Ну вот, видишь? — мягко проговорил он. — Я правда хочу тебе помочь. Твоя мама, наверное, очень напугана.

В отдалении мать Цзян взволнованно затеребила сына за рукав:

— Гляди, гляди! Снял! Ох, до чего же хорош шельмец! Красавец писанный!

Цзян Цютун, лениво переписывавшийся в этот момент с Цзи Яо в Вейсине, отвлекся от экрана и поднял глаза. Но рассмотреть загадочного избранника кузена он не успел — прямо перед ним, словно ураган, пронеслась женщина в кричаще-красном пальто.

Цокая шпильками по обледенелому тротуару, дама решительно направлялась к эпицентру событий. У Цзян Цютуна при одном взгляде на кузину заныли зубы. Он поспешно отвел глаза и уставился на мать.

Та лишь восхищенно покачала головой:

— Ну Чуньшуй дает, скорость реактивная!

Цзи Яо заметил приближение разгневанной родительницы и, крепко держа девочку за руку, выпрямился, разворачиваясь к ней лицом. Из-за этого маневра Цзян Цютун и его мать снова созерцали лишь его прямую спину.

Мать разочарованно вздохнула:

— Эх, а парень-то и впрямь видный... Жалость какая.

Цзян Цютун промолчал. Язвительное «А мне-то что с того?» едва не сорвалось с губ, но, здраво рассудив, что спорить с матерью себе дороже, он удержался. Он вновь уткнулся в телефон, продолжая от скуки строчить сообщения Цзи Яо.

Телефон в кармане Цзи Яо разрывался от непрерывных уведомлений. Ситуация складывалась абсурдная: эффектная дама рассыпалась в благодарностях за «спасение» дочери, он вежливо отнекивался, девчушка то и дело влезала со своими бесценными замечаниями, а Юй Сьюань, которому весь этот фарс знатно действовал на нервы, не выдержал и вставил пару шпилек в адрес кузины. Разумеется, завязалась ядовитая словесная дуэль, полная завуалированных колкостей. И на фоне этого балагана карман Цзи Яо настойчиво трезвонил, сообщая о новых сообщениях от какого-то настырного идиота.

«Да чтоб тебя приподняло и шлепнуло!» — мысленно бесился Цзи Яо.

Очевидно, сочтя, что лимит приличий исчерпан, женщина еще раз натянуто улыбнулась Цзи Яо, наградила Сьюаня испепеляющим взглядом и, крепко взяв дочь за руку, зацокала прочь.

Парни остались стоять, недоуменно глядя друг на друга.

В ту же секунду смартфоны наблюдателей синхронно пискнули. В семейном чате появилось

сообщение от виновницы переполоха — Цзян Чуньшуй, старшей сестры Цзян Цютуна и грозы всего младшего поколения:

«Наконец-то я разглядела его личико! Ради того, чтобы этот скромник снял маску, мне пришлось пожертвовать родным ребенком!»

Следом пришел ответ, явно надиктованный самой малышкой: «Пустяки, мамочка, служу отечеству!» А затем добавилось аудиосообщение, в котором детский голосок заговорщически пролепетал: «А братик-то очень красивый и добрый! Только я вам его фотку не покажу, бе-бе-бе!»

Цзян Цютун только покачал головой.

Мать Цзян тоже лишилась слов от умиления и досады.

Пока следопыты переваривали фиаско, Юй Сьюань и Цзи Яо пытались прийти в себя.

Цзи Яо звучно чихнул и шмыгнул носом:

— Слышь, Сьюань, тебе не кажется, что эта семейка какая-то... с приветом?

Юй Сьюань благоразумно прикусил язык. Оказаться меж двух огней — сумасбродной кузиной с дочкой и капризным Цзи Яо — было выше его сил. Он малодушно струсил.

Немного поразмыслив, он попытался разрядить обстановку:

— Да ладно тебе, мало ли на свете чудил. Главное, что отделались одним разом. Больше мы их точно не встретим.

Реальность нанесла сокрушительный удар по его прогнозам.

На пути от одного конца торговой галереи до другого им пришлось пережить целое нашествие сумасшедших. Сначала к ним привязалась болтливая девчонка у лотка с уличной едой, затем — какой-то умудренный опытом дядька на скамейке, пустившийся в ностальгические воспоминания о былых временах. В одном из отделов почтенная матрона ни с того ни с сего принялась обсуждать с ними тонкости воспитания младенцев... Последней каплей стал парень, который сослался на дикую нужду и всучил им поводок своего лабрадора. Цзи Яо, окончательно ошалев от происходящего, повернулся к Сьюаню с совершенно бледным лицом:

— Послушай, у вас в городе Н вообще все нормальные вымерли? Что за дурдом на выезде?!

Юй Сьюань... Юй Сьюань мог лишь виновато молчать.

Как признаться парню, что «случайная прохожая» в красном пальто — это его двоюродная сестра, обжора у прилавка — кузина, те престарелые болтуны — его дражайшие родители, а парень с переполненным мочевым пузырем — родной дядя, и вся эта труппа бродячего театра разыграла комедию исключительно ради того, чтобы поглазеть на нового зятя?

Цзи Яо ведь рассвирепеет и бросит его на месте. Без вариантов. В этом Сьюань не сомневался ни секунды.

Пока он лихорадочно соображал, какую ложь состряпать на сей раз, лабрадор у их ног внезапно замер и характерно присел на задние лапы. Цзи Яо переменялся в лице:

— Черт, он сейчас нагадит прямо здесь!

Забыв обо всем, он потащил упирающегося пса к ближайшему газону за декоративными кустами.

Вдоволь налюбовавшись этим представлением, Цзян Цютун усмехнулся и повернулся к матери:

— Ну что, представление окончено. Пойдём домой?

Женщина заколебалась:

— Может, всё-таки подойдем поздороваться?

Сын недовольно поморщился:

— Мам, вы же только вчера виделись. Стоит вам показаться после всего этого парада фриков, как он обо всем догадается. Парень-то далеко не дурак.

— Ну надо же было устроить такой балаган... — пробормотала она смущенно.

— И не говори, — хмыкнул Цзян Цютун.

Он издали помахал кузену рукой. Заметив их, Юй Сьюань едва не побелел от ужаса и принялся отчаянно жестикулировать, безмолвно умоляя проваливать поскорее. Цзян Цютун многозначительно взглянул на мать — мол, «я же говорил» — и увлек её за собой.

Проводив их взглядом, Юй Сьюань наконец смог выдохнуть. В этот момент из туалета неторопливо выплыл его пострадавший от нужды дядя. Заметив, что Цзи Яо поблизости нет, он

мгновенно сбросил маску страдальца:

— Ну что, где наш ненаглядный?

Сыюань злобно прищурился:

— Хозяин побежал отливать, а собака — гадить. Как говорится, каков поп, таков и приход!

Поняв, что племянник действительно на пределе, дядя поспешно вскинул руки в примиряющем жесте:

— Всё-всё, сдаюсь! Зуб даю, это был последний раз!

Семейное древо у них было своеобразным. У бабушки с дедушкой по материнской линии долгое время росли только две дочери. Старшая родила Цзян Цютуна, младшая — Юй Сыюаня. Но вскоре после появления на свет старшего внука бабушка умудрилась родить сына — того самого младшего дядюшку. Он был классическим поздним ребенком, балованным сверх всякой меры и родителями, и старшими сестрами.

Сыюань, бывший с ним в отличных отношениях, лишь беззлобно пнул его под зад и велел держать язык за зубами, чтобы не выдать себя перед Цзи Яо.

Вернувшийся с прогулки Цзи Яо застал их за этой милой сценой:

— Вы чего тут устроили?

Безумный день выжал из них все соки. На следующий день наступал Новый год, и изначально они планировали встретить его на праздничной площади. Однако после всех этих семейных перформансов у Цзи Яо разыгрался насморк, и празднование решено было перенести в домашние стены.

Едва переступив порог квартиры, Цзи Яо плашмя рухнул на диван:

— Ноги моей больше не будет в этом проклятом городе.

Юй Сыюань лишь виновато улыбнулся, не решаясь возразить.

Усталость сморила Цзи Яо мгновенно. Он отказался от ужина и уснул мертвым сном задолго до полуночи. Убедившись, что парень крепко спит, Юй Сыюань тихонько выскользнул из-под одеяла и вышел на балкон, сжимая в руке телефон.

— Да? — раздался в трубке холодный, бесстрастный мужской голос.

Сыюань стоял на холодном плиточном полу босиком. Ледяной ветер пробирал до костей, кружа редкие снежинки над заваленным снегом двором.

Он весь продрог, пальцы судорожно сжимали корпус телефона. Наконец, преодолев минутную слабость, он тихо выговорил в трубку:

— Брат... Поговори со мной, а?

Цзян Цютун на том конце провода приподнял бровь. Ничего не расспрашивая, он достал из шкафа пальто, подхватил со стола ключи от машины и шагнул к выходу.

— Буду на нашем месте.

Нажав отбой, Юй Сыюань поспешно скользнул обратно в комнату, но сквозняк уже успел занести в теплую спальню горсть колючих снежинок. Цзи Яо зашевелился, просыпаясь от холода. Сонно потирая глаза, он пробормотал:

— М-м... Что стряслось?

Юй Сыюань мягко улыбнулся и коснулся губами его щеки:

— Да так, ничего. Брат позвонил, мы сто лет не виделись. Решили пропустить по стаканчику. Пойдешь со мной?

Цзи Яо натянул одеяло до самого носа:

— Ну уж нет, там дубак несусветный. Я пас.

Зная наперед этот ответ, Сыюань всё же почувствовал легкий укол грусти.

— Ладно, отдыхай, — тихо сказал он. — Тебе нужно выспаться, чтобы прогнать простуду.

Он уже развернулся, собираясь уходить, как вдруг одеяло зашевелилось, и наружу показалась сонная розовая физиономия Цзи Яо.

— Ты чего? — удивился Сыюань.

Цзи Яо вслепую потянулся к нему и теплыми ладонями обхватил его ледяные, обветренные на

балконе щеки.

— Кожа совсем ледяная... Замерз небось? Давай согрею.

От прикосновения этих горячих ладоней у Сьюаня защемило в груди, а к горлу подкатил ком. Сердце сначала испуганно сжалось, а затем словно растаяло в этой неожиданной нежности, отозвавшись сладкой, мучительной дрожью.

С трудом удержав улыбку, он прошептал:

— Уже не холодно.

<http://bllate.org/book/20554/2132720>